

Владимир Д. Климонов
Университет им. Гумбольдта, Берлин

СОБЫТИЯ, ИХ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ
И МАНИФЕСТАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С НЕМЕЦКИМ ЯЗЫКОМ

1. Лексические виды русского глагола

В традиционном представлении ядром аспектуальности в русском языке считается грамматическая аспектуальность (ГА), т.е. категория глагольного вида совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ), в то время как лексическая аспектуальность (ЛА), т.е. аспектуальные классы (АК) и их подклассы или способы действия (СД) причисляются к периферии аспектуальности (см., например, Бондарко 1987, с. 52). Некоторые ученые, например, А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев (2000, с. 104) даже отрицают необходимость упорядочения АК и СД, аргументируя это тем, что СД, якобы, не задаются комбинацией значений признаков, а представляют собой регулярные формально маркированные типы модификаций значений исходных глаголов. Между тем именно ЛА представляет собой большой интерес с типологической точки зрения, поскольку как раз в зоне ЛА обнаруживаются аспектуальные универсалии. В качестве исходных центральных единиц анализа в настоящей работе принимаются т.н. лексические виды (ЛВ), т.е. номинации событий, процессов и состояний как наиболее общих типов глагольных ситуаций и соответствующих им классов глаголов. ЛВ или АК имеют статус универсальных аспектуальных категорий. Как концептуальные универсалии они противопоставляются грамматическим видам (ГВ) и другим маркерам аспектуальности как идиосинкразическим средствам их языкового оформления.

ЛВ различаются между собой набором семантических признаков динамичности [ДИН], т.е. развития глагольных ситуаций во времени, и предельности [ПРЕД], т.е. ограниченности глагольных ситуаций во времени (см. таблицу 1).

Таблица 1: Семантика лексических видов

Семантические параметры	Лексические виды		
	События	Процессы	Состояния
Динамичность	+	+	-
Предельность	+	-	-

События или эвентивы типа *созреть-созревать/зреть (об арбузе)* с набором признаков [+ ДИН] и [+ПРЕД] определяются как однофазовые ограниченные во времени глагольные ситуации. События имплицитно сменяют состояния, т.е. переход от предшествующего или ретроспективного состояния (т.е. пресуппозиции типа *арбуз незрелый*) к последующему или прогнозируемому состоянию (т.е. следствию типа *арбуз зрелый*). Процессы или процессивы типа *трудиться* с набором признаков [+ДИН] и [-ПРЕД] обозначают многофазовые не ограниченные во времени глагольные ситуации. Процессивы не имплицитно сменяют (в отличие от эвентивов) последующее состояние. Состояния или стативы типа *находиться* с набором признаков [-ДИН] и [-ПРЕД] как не развивающиеся во времени ситуации не обнаруживают (в противопоставленности эвентивам и процессивам) внутреннего членения на фазы.

События как дискретные, т.е. исчисляемые или нумеративные ситуации с начальной и конечной границами действия (*читать-прочитать роман (от начала до конца)*) противопоставляются не-событиям (т.е. процессам и состояниям) как недискретным, т.е. неисчисляемым или транснумеративным ситуациям, не имеющим начальной и конечной границ действия (*трудиться, знать*). Глаголы с событийным значением обнаруживают как числовую, так и нечисловую квантификацию и образуют полные парадигмы вида (*читать-прочитать два раза/много*). Глаголы с несобытийной семантикой вне контекста допускают только нечисловую квантификацию и образуют дефективную парадигму *imperfectiva tantum* (*трудиться много/*два раза, знать много/*два раза*). В этом отношении глаголы структурируются параллельно именам существительным с нумеративной и транснумеративной семантикой, ср. индивидуативы типа *стол (стол-стола, два стола/много столов)* и континуативы типа *железо (парадигма *singularia tantum* железно,*

много железа/**два железа*). Аспектуальность понимается мною таким образом как квантификация глагольного содержания аналогично нумеральности как квантификации именного содержания.

ЛВ рассматривается в единстве их концептуального содержания и языковой реализации. С этой целью при анализе ЛВ разграничиваются два уровня аспектуальной семантики, а именно: уровень концептуальной категоризации (КК), т.е. уровень ингерентных аспектуальных значений и уровень семантической категоризации (СК), т.е. уровень поверхностной грамматической манифестации категориального значения в дискурсе. Первый из них принадлежит системе языка и независим от языковой реализации, второй же всецело обусловлен функционированием концептуальных категорий в языке. Связь между этими двумя уровнями осуществляется посредством правил рекатегоризации или реинтерпретации. На уровне СК одна и та же концептуальная единица может получить разную интерпретацию. На уровне КК концепт процесса обнаруживается как у глаголов *гулять*, *погулять*, так и у существительного *гулянье*. На уровне СК значение процесса сохраняется у глагола *гулять*, но оно рекатегоризируется как вторичное, т.е. производное событие у глагола *погулять*, обозначающее ограниченную порцию процесса гуляния. Имя существительное *гулянье* обнаруживает значение опредмеченного или номинализированного процесса.

Настоящая работа, посвященная анализу класса событий, представляет собой опыт типологически релевантной концептуальной субкатегоризации событий, в рамках которой сопоставляются аспектуальные системы русского и немецкого языков.

2. Модель концептуальной субкатегоризации событий в русском языке

2.1. Естественные и произвольные границы действия

В зависимости от наличия или отсутствия естественной границы действия события подразделяются на первичные или естественно-квантифицированные (пример (1–1)) и соответственно вторичные или произвольно-квантифицированные (пример (2–1)).

(1–1) Нина *сшила* платье за неделю

(1–2) *Нина *сшила* платье за неделю и продолжает его шить дальше

(2–1) Нина *прошила* платье несколько дней, но так его и не сшила

(2–2) Нина *прошила* платье несколько дней, сделала перерыв и продолжает его шить дальше

(2–3) Нина *пошила* несколько часов платье, а затем стала готовить обед

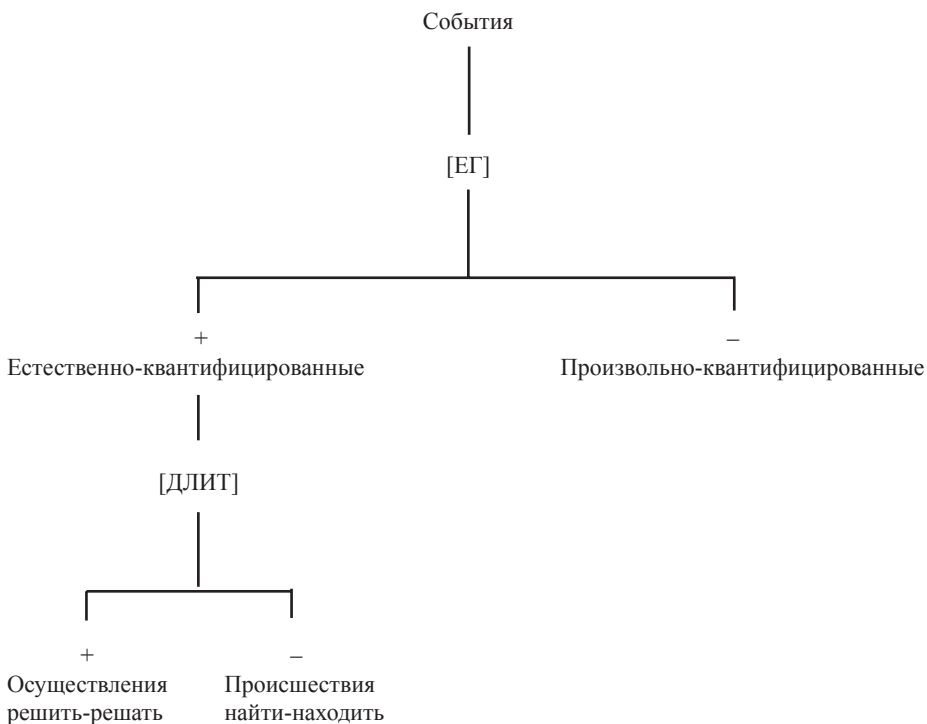
В примере (1–1) задана естественная граница действия, по достижению которой действие прекращается (ср. пример (1–2)). На шкале внутренней темпоральности естественно-квантифицированные события репрезентируются как целостные глагольные действия с включением их начальной или

левой и конечной или правой границ. В примере (2–1) действие ограничено временными рамками, и его правая граница не является конечной. Такое действие может быть продолжено (ср. пример (2–2)). Правая граница действия такого действия может передвигаться по шкале временной оси действия (ср. пример (2–3)). Я называю подобную границу произвольной. Произвольно-квантифицированные события типа *прошить* (*платье несколько дней*) репрезентируются на шкале внутренней темпоральности как некий участок шкалы. Полную шкалу составляют естественно-квантифицированные события типа *сшить* (*платье за неделю*).

2.2. Первичные или естественно-квантифицированные события

Естественно-квантифицированные события (см. схему 2) включают длительные действия или осуществления (accomplishments) типа *решить-решать* (*задачу*) и недлительные, т.е. мгновенные действия или происшествия (achievements) типа *найти-находить* (*ключ*). Оба эти разряда глаголов обнаруживают полные видовые парадигмы.

Схема 2: Субкатегоризация естественно-квантифицированных событий
Сокращения: ЕГ = естественная граница, ДЛИТ = длительность

2. 2. 1. Осуществления

Осуществления манифестируются в русском языке главным образом формами совершенного вида (СВ) (см. пример (3–1)). В контексте настоящего исторического времени (*praesens historicum*) (см. пример (3–2)) и в контексте повторяющихся действий (см. пример (3–3)) формы СВ автоматически замещаются формами несовершенного вида (НСВ).

(3–1) Борис *решил* вчера эту трудную задачу

(3–2) И вот вчера Борис наконец *решает* эту трудную задачу

(3–3) Каждый раз, когда Борис принимался за трудные задачи, он успешно *решал* их

Формы НСВ глаголов указанного типа обнаруживают в других контекстах несобытийные значения, а именно значение вторичного, т.е. производного процесса ((см. пример (3–4–1)) и значение вторичного или производного состояния ((см. пример (3–5–1)).

(3–4–1) Борис все еще *решает* эту трудную задачу

(3–4–2) *Борис все еще *решил* эту трудную задачу

(3–5–1) Борис *решал* любые трудные задачи

(3–5–2) *Борис *решил* любые трудные задачи

В примере (3–4–1) исходное, т.е. первичное событийное значение решения задачи рекатегоризируется как вторичный, т.е. производный от события процесс решения задачи. В примере (3–5–1) первичное событие реинтерпретируется как локализованное в прошлом свойство Бориса решать любые трудные задачи, т.е. понимается как вторичное или производное состояние. На базовом или глубинном уровне концептуальной категоризации (КК) оба члена аспектуальной парадигмы (или видовой пары) выступают как первичные события. На производном или поверхностном уровне семантической категоризации (СК) формы СВ сохраняют свое категориальное значение события в соответствии с основной функцией СВ выражать события (см. пример (3–1)), тогда как формы НСВ в стандартном употреблении рекатегоризируются как процессы (см. пример (3–4–1)), а в нестандартном употреблении реинтерпретируются как состояния (см. пример (3–5–1)) или сохраняют свое событийное значение (см. примеры (3–2) и (3–3)). В случае рекатегоризации события как процесса или состояния соответствующие формы НСВ утрачивают свою соотносительность с формами СВ, ср. невозможность замены НСВ на СВ в примерах (3–4–2) и (3–5–2).

2. 2. 2. Происшествия

Глаголы со значением происшествия типа *найти-находить* (*ключ*) как и глаголы со значением осуществления образуют полные видовые парадигмы. Значение события выражают как формы СВ (см. пример (4–1)), так и фор-

мы НСВ в контексте *praesens historicum* (см. пример (4–2)) и в итеративном контексте (см. пример (4–3)).

(4–1) Нина *нашла* сегодня утром свой ключ

(4–2) И вот сегодня утром Нина *находит* свой ключ

(4–3) Нина иногда *теряла*, а затем *находила* свой ключ

В отличие от глаголов осуществления глаголы со значением происшествия не обнаруживают актуально-длительного или конкретно-процессного значения (см. пример (4–4)). Объясняется это явление тем, что глаголы происшествия обозначают моментальные события и потому не допускают дуративной интерпретации. На шкале внутренней темпоральности такие события репрезентируются в виде точки, в которой сливаются начальная и конечная границы действия.

(4–4) *Смотри Нина *находит* как раз (в этот момент) свой ключ

К глаголам со значением происшествия примыкают также несоотносительные, т.е. абсолютные *perfectiva tantum* типа *рухнуть* (**рухать*), *хлынуть*, *грянуть*, *воспрянуть*, *очутиться*, обозначающие внезапное наступление действия.

2. 3. Вторичные или произвольно-квантифицированные события

Под вторичными или произвольно-квантифицированными событиями понимаются события, полученные в результате рекатегоризации процессов (*заговорить* < *говорить*), состояний (*разлюбить* < *любить*) или первичных событий (*порисовать* < *рисовать* (картину)), где имперфективный глагол *рисовать* входит в состав парадигмы первичного события *рисовать-нарисовать* (картину). Исходный и производный члены такой деривации различаются между собой значениями и потому не могут считаться видовыми парами. Вторичные события рассматриваются, следовательно, как соотносительные *perfectiva tantum*. Произвольно-квантифицированные события объединяют действия со значением временной квантификации и действия со значением невременной квантификации.

2. 3. 1. Произвольно-квантифицированные события с временной квантификацией

Произвольно-квантифицированные события с временной квантификацией (см. схему 3) репрезентируются на шкале внутренней темпоральности как участки такой шкалы со специфицированными, т.е. точными или абсолютными отметками и как участки шкалы с неспецифицированными, т.е. неточными или относительными координатами. Фазовые события со специфицированными или точными отметками фокусируют некий квант глагольного действия как его начальную фазу (= ингрессивы типа *заговорить*) или как его конечную фазу (= эгрессивы типа *договорить*). Нефазовые события с неспецифицированными

или неточными координатами ограничивают глагольное действие во времени и представляют его как относительно продолжительное (= пердуративы типа *проговорить весь вечер*) или как относительно непродолжительное (= делимитативы типа *поговорить всего несколько минут*).

Схема 3: Субкатегоризация произвольно-квантифицированных событий с временной квантификацией

Сокращения: ВК = временная квантификация, СПЕЦ = спецификация, НАЧ = начало, ДОЛГ = долговременность

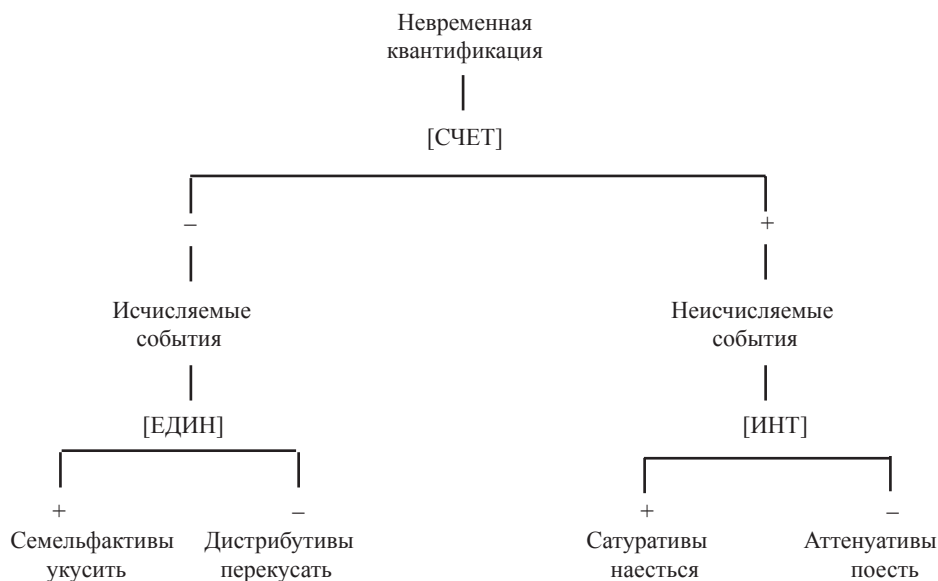
2. 3. 2. Произвольно-квантифицированные события с невременной квантификацией

Невременная квантификация (см. схему 4) может быть числовой (= количественное измерение по признаку «один — больше одного» по отношению к дискретным глагольным действиям) или нечисловой (= количественное

измерение меры или степени интенсивности глагольного действия по отношению к недискретным или континуальным глагольным действиям). Исчисляемые или нумеративные события подразделяются на единичные (= семейфактивы типа *укусить (соседа)*) и неединичные (= дистрибутивы типа *перекусать (всех соседей)*). Неисчисляемые или транснумеративные события обозначают градацию по степени интенсивности глагольного действия и включают события со значением полной меры или высокой степени проявления действия (= сатуративы типа *наестся (досыта)*) и события со значением неполной меры или ослабленной степени проявления действия (= аттенуативы типа *поест (немного)*).

Схема 4: Субкатегоризация произвольно-квантифицированных событий с невременной квантификацией

Сокращения: СЧЕТ = счетность, ЕДИН = единичность, ИНТ = интенсивность

3. Формальные показатели эвентивности в русском языке

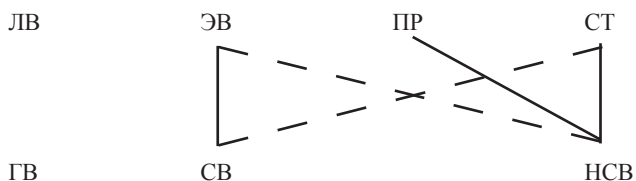
3. 1. Экспоненты естественно-квантифицированных событий

3. 1. 1. Грамматические маркеры событий и не-событий

Естественно-квантифицированные события формально манифестируются в русском языке посредством ГВ (см. схему 5).

Схема 5: Соответствия между лексическими и грамматическими видами

Сокращения: ЛВ = лексические виды, а именно ЭВ = эвентивы (или события), ПР = процессивы (или процессы), СТ = стативы (или состояния); ГВ = грамматические виды, а именно СВ = совершенный вид, НСВ = несовершенный вид. Стандартная связь значений лексического и грамматического уровней обозначается сплошной линией, нестандартная связь значений этих уровней обозначается линией со штрихами.

В стандартном употреблении естественно-квантифицированные события выражаются формами СВ (см. пример (3–1)), в нестандартном употреблении также и формами НСВ (см. примеры (3–2) и (3–3)). Противопоставленные событиям не-события, т.е. процессы и состояния обнаруживают в некоем смысле прямо противоположное соотношение видов. Процессы (как первичные типа *гулять*, так и вторичные типа *решать (задачу)*) оформляются только посредством форм НСВ, в то время как состояния могут оформляться как формами НСВ типа *находиться*, так и формами СВ типа *нависнуть (о тучах)*. Последние формы являются несомненно маргинальными. Можно говорить, таким образом, о сопряженности событийности (или эвентивности) с формами СВ, а не-событийности, т.е. процессуальности и статальности с формами НСВ в центральной зоне лексической аспектуальности.

3. 1. 2. Типы видовых парадигм, диагностирующие подклассы событий

АК и их подклассы манифестируются в русском языке посредством типов видовых парадигм. Первичные или естественно-квантифицированные события со значением осуществления типа *решить-решать (задачу)* характеризуются полной видовой парадигмой. Глаголы происшествя типа *найти-находить (ключ)* обнаруживают полную, но функционально-дефективную видовую парадигму: НСВ в такой парадигме не имеет актуально-длительного или конкретно-процессного значения. Глаголы со значением внезапного наступления действия типа *рухнуть* являются несоотносительными, т.е. абсолютными *perfectiva tantum*. Вторичные или произвольно-квантифицированные события выступают как дефективные парадигмы соотносительных *perfectiva tantum* типа *заговорить (< говорить)*, *разлюбить (мужа) (< любить (мужа))*, *порисовать (картину) (< рисовать (картину))*. Процессивы (первичные типа *говорить* и вторичные типа *рисовать (картину)*) обнаруживают соответственно дефективные парадигмы соотносительных *imperfectiva*

tantum. Для стативов показательными являются дефективные парадигмы несоотнесенных imperfectiva tantum типа *находиться*, не обнаруживающие никаких дериватов.

3. 1. 3. Тенденция к оптимальной организации видовых парадигм

В русском языке наблюдается тенденция к оптимальной организации видовых парадигм, т.е. к устранению избыточных видовых парадигм или избыточных членов таких парадигм. В соответствии с принципом взаимодозначного соответствия языковой формы и языкового содержания (= biuniqueness), выдвинутом в естественной грамматике (см., например, Dressler 2003, с. 466, 471), одно значение в идеальном случае должно кодироваться одним формальным показателем. Видовая парадигма, удовлетворяющая этому условию, должна быть бинарной, т.е. содержать только один перфективный и только один имперфективный члены. Этому противоречит наличие сразу трех имперфективных членов, а именно: *готовить*, *приготовлять*, *приготавливать*, противопоставленных одному перфективному члену *приготовить* в составе трех одинаковых по значению видовых парадигмах перфективации (*готовить-приготовить*) и имперфективации (*приготовить-приготовлять* и *приготовить-приготавливать*). В конкуренции маркированных, т.е. более комплексных членов видовых парадигм (типа *приготовлять* и *приготавливать*) и немаркированных, т.е. более простых членов видовых парадигм (типа *готовить*) согласно принципу естественного грамматического развития (см., например, [Wurzel 1994, с. 28–32]) победу одерживают последние. В полном соответствии с этим принципом в разговорном русском языке немаркированный имперфектив *готовить* полностью вытеснил конкурирующие с ним маркированные имперфективы *приготовлять* и *приготавливать*, ср. *готовить*, но не **приготовлять* или **приготавливать* (обед). Парадигма перфективации *готовить-приготовить* оказывается преферентной по отношению к парадигмам имперфективации *приготовить-приготовлять* и *приготовить-приготавливать*. Парадигмы перфективации типа *готовить-приготовить* являются иконическими. Они характеризуются однонаправленностью или изоморфизмом маркированности семантического и формального уровней: семантически более сложные формы СВ (со свойственным им признаком целостности действия) оказываются и формально более сложными (благодаря наличию префикса, который отсутствует в формах НСВ). Парадигмы (вторичной) имперфективации типа *приготовить-приготовлять* и *приготовить-приготавливать* обнаруживают, напротив, контраиконизм отношений маркированности семантического и формального уровней: семантически более простые формы НСВ (со значением некой внутренней фазы, т.е. какой-то части целостного глагольного действия) оказываются формально более сложными по отношению к соответствующим

формам СВ (они имеют суффикс имперфективации, которого нет в формах СВ). Иконические структуры (формы и парадигмы) (в частности парадигмы перфективации) являются более простыми или немаркированными с точки зрения нагрузки языковой способности по отношению к более сложным или маркированным контраиконическим структурам (в частности парадигмам имперфективации): они легче усваиваются и перерабатываются в сознании носителя языка, чем контраиконические структуры, которые характеризуются дополнительной нагрузкой при восприятии языка и его порождении. Языковые структуры оказываются тем самым сопряженными с с их когнитивными аналогами и прежде всего с определенными структурами знания (ср., например, Кубрякова 2004, с. 13). Иконические парадигмы перфективации являются под этим углом зрения немаркированными, т.е. оптимальными, а потому и преферентными по отношению к маркированным, т.е. неоптимальным и непреферентным контраиконическим парадигмам имперфективации.

В русском языке представлены и более сложные случаи избыточных видовых парадигм, когда оба члена видовых парадигм выражаются несколькими глагольными лексемами. Так в современном русском языке наличествуют сразу три глагола СВ с приставками *о-* (*оштукатурить*), *от-* (*отштукатурить*) и *вы-* (*выштукатурить*). Каждая из этих глагольных лексем является составной частью двух видовых парадигм, а именно парадигм перфективации типа *штукатурить* (НСВ) — *оштукатурить* (СВ) и парадигм вторичной имперфективации типа *оштукатурить* (СВ) — *оштукатуривать* (НСВ). Доминирующими оказываются при этом парадигмы перфективации, поскольку эквивалентные им по значению парадигмы вторичной имперфективации содержат маркированные члены типа *оштукатуривать* (ср. сказанное выше по поводу маркированных глагольных лексем типа *приготовлять* и *приготовливать*). Глагольные лексем с префиксами *от-* и *вы-* являются стилистически маркированными: они ограничены в своем употреблении сферой профессионального жаргона, разговорной речи и просторечия. В стандартном, т.е. кодифицированном русском языке представленной оказывается таким образом только глагольная лексема с приставкой *о-*, которая вместе с исходной бесприставочной глагольной лексемой образует парадигму перфективации: *штукатурить* (НСВ)—*оштукатурить* (СВ). Как результат действия тенденции к экономному оформлению видовых парадигм из шести наличествующих в репертуаре видовых парадигм с глаголом *штукатурить* и его производными в литературном русском языке представлена всего только одна оптимальная бинарная видовая парадигма перфективации.

Немаркированные иконические парадигмы перфективации типа *писать* (НСВ) — *написать* (СВ) возникли на относительно позднем этапе формирования видовой системы русского глагола посредством контаминации

исходных контраиконических парадигм вторичной имперфективации типа *написати* (СВ и НСВ, ср. наст. вр. *напишу* и *написаю*) — *написовати* / *написывати* (НСВ) и парадигм неитеративности / итеративности типа *писати* / *писовати* ([-ИТЕР]) — *писывати* ([+ИТЕР]) (Klimonow 2001, с. 407–408). В парадигме вторичной имперфективации *написати* (СВ и НСВ) — *написовати* / *написывати* (НСВ) в связи с десемантизацией и грамматикализацией префикса *на-* (т. е. в связи с утратой им первоначального пространственного значения и приобретением им грамматического значения СВ) глагол *написати* утрачивает значение НСВ и в качестве глагола СВ вступает в видовое противопоставление сразу с тремя имперфективными членами, а именно со ставшим ему тождественным по семантике немаркированным бесприваочным глаголом НСВ *писати* а также с приваочными имперфективами *написовати* и *написывати*. Глагол СВ *написати* вступает в видовое противопоставление согласно приведенному выше принципу взаимооднозначного соответствия формы и содержания только с одним из этих имперфективов, а именно естественным образом с формально самым простым из них *писати*. Утрата маркированных имперфективов происходит в соответствии с принципом ступенчатого (или упорядоченного) устранения маркированности (см. Vennemann 1988, с. 2–3). Сначала утрачивается вторичный имперфектив *написовати* с полифункциональным, т.е. наиболее маркированным суффиксом *-ова-*. Затем исчезает вторичный имперфектив *написывати* с монофункциональным, т.е. относительно менее маркированным суффиксом *-ыва-*. Потеря приваочных имперфективов имела место не раньше XVII века (см. Силина 1982, с. 276). Позже (во второй половине XIX в.) утрачивается и менее маркированный бесприваочный имперфектив *писовати*. Итератив *писывати* ещё сохраняется вместе с другими немногочисленными итеративными глаголами в современном русском языке в качестве реликта этого когда-то продуктивного класса итеративных дериватов.

Удельный вес иконических парадигм перфективации в общей системе видовых оппозиций со времени их возникновения постоянно увеличивается. Происходит пополнение состава парадигм перфективации за счет неиконических синкретических парадигм. На первом этапе неиконические синкретические парадигмы типа *иллюстрировать* (НСВ) — *иллюстрировать* (СВ) с несовместимыми друг с другом отношениями маркированности семантического и формального уровней (СВ является более сложным, чем НСВ на семантическом уровне и равным ему на формальном уровне) еще сосуществуют с иконическими парадигмами перфективации типа *иллюстрировать* (НСВ) — *проиллюстрировать* (СВ). На втором этапе синкретические парадигмы полностью утрачиваются и замещаются парадигмами перфективации типа *консультировать* (НСВ) — *проконсультировать* (СВ). Особенно интенсивно

этот процесс происходит в некодифицированных разновидностях русского языка, ср. *дифференцировать* (НСВ) — *продифференцировать* (СВ) и *интегрировать* (НСВ) — *проинтегрировать* (СВ) в языке математиков.

3. 2. Формальные индикаторы произвольно-квантифицированных событий

3. 2. 1. Экспансия контекстуальных маркеров за счет морфологических маркеров

До сих пор речь шла о манифестации естественно-квантифицированных событий посредством морфологических маркеров (ММ), выражающих категорию вида. Такие маркеры характеризуются только одним аспектуальным значением, а именно видовым. Произвольно-квантифицированные события манифестируются посредством приставок и суффиксов, которые кроме того или иного акционального значения (т.е. того или иного СД) обнаруживают и видовое значение. Такие маркеры являются, следовательно, синкретическими, а потому и более сложными по сравнению с одинарными маркерами естественно-квантифицированных событий. Так ММ *по-* в примере (5–1) обнаруживает синкретизм аспектуальной (т. е. видовой и акциональной) информации (он обозначает как СВ, так и аттенуативный или смягчительный СД), тогда как лексико-синтаксический или контекстуальный маркер (КМ) *немного* в примере (6–1) является только показателем аттенуативности (видовое значение выражается здесь посредством приставки *вы-*, которая не имеет аттенуативного значения).

(5–1) Нина попила минеральной воды

(6–1) Нина выпила немного минеральной воды

Аттенуативность может выражаться дважды, т.е. как с помощью ММ, так и посредством КМ:

(5–2) Нина попила немного минеральной воды

КМ *немного* дублирует в этом примере акциональную информацию, свойственную префиксу *по-*. Глагольные лексемы типа *попить*, имеющие в своем составе ММ аттенуативности, выражают обобщенное, т.е. неспецифицированное значение небольшого количества и не сочетаются с КМ, обозначающими конкретное, т.е. специфицированное значение. Глагольные лексемы типа *выпить* без формального внутриглагольного индикатора аттенуативности такой сочетаемости не препятствуют:

(5–3) *Нина попила два стакана минеральной воды

(6–2) Нина выпила два стакана минеральной воды

Аттенуативное значение, выражаемое посредством приставки *по-*, несовместимо с сатуративным значением (т.е. обозначением большого количества) а также со значением приблизительного или аппроксимативного количества:

(5–4) *Нина попила много/целую бутылку минеральной воды

(5–5) *Нина попила примерно три стакана /около трех стаканов минеральной воды

Глагольные лексемы типа *выпить* с приставкой, которая не имеет аттенуативного значения, не обнаруживают ограничений такого типа:

(6–3) Нина выпила много/целую бутылку минеральной воды

(6–4) Нина выпила примерно три стакана / около трех стаканов минеральной воды

Из анализа этих примеров можно сделать вывод, что структуры с КМ имеют по сравнению со структурами с ММ более широкий диапазон значений. Они выражают — как можно видеть из примеров под цифрой 6 — как неспецифицированную информацию, свойственную ММ, так и специфицированную информацию, которую ММ не выражают. КМ передают также и значение прямо противоположное закодированному в ММ (в данном случае сатуративное). Акциональное значение (в данном случае аттенуативное) представлено здесь, можно сказать, в «чистом виде», т.е. одинарно (см. пример (6–1)), тогда как ММ символизируют аспектуальную информацию синкретически, т.е. более сложно (ср. комбинацию видового и акционального значений в примере (5–1)). Ментальные операции, связанные с синкретизмом информации о виде и СД являются более сложными, чем ментальные процессы раздельной репрезентации этих двух типов информации. Исходя из этих соображений ММ следует считать маркированными, а КМ немаркированными относительно признака, который заложен в значении ММ и по которому осуществляется такое противопоставление. Структуры с немаркированными КМ являются, следовательно, в русском языке оптимальными а потому и предпочтительными по отношению к эквивалентным им структурам с ММ.

Конструкции с КМ являются и более весомыми, чем структуры с ММ. При коллизии значений ММ и КМ более «сильными» оказываются последние, которые и определяют итоговую акциональную интерпретацию соответствующего словосочетания, ср. аттенуативное значение префикса *под-* у глагола *подлечиться* и его нейтрализацию в конструкции *основательно подлечиться* с сатуративным смыслом всего словосочетания.

Немаркированные структуры с КМ не только успешно конкурируют с маркированными структурами с ММ, но и вытесняют эти последние в процессе исторического развития. Убедительным свидетельством такой линии развития является судьба итеративных образований с суффиксом *-ыва-/ива/-ва-/а* — типа *писывать, читать, говаривать, хаживать, жить, пить, есть*. Морфологические итеративы этого типа были исключительно продуктивны в русском языке XVIII и XIX веков. Некоторые грамматисты XIX века (например, А. Х. Востоков) считали итеративные образования даже особым многократным видом (см. Виноградов 1972, с. 382). С конца XIX века употребление итеративов идет на убыль. Процесс утраты итеративных

образований особенно интенсивно происходит в XX веке. Морфологические итеративы типа *гащивать, лавливать, тапливать* были вытеснены конструкциями с КМ типа *иногда, время от времени, обыкновенно гостить / ловить / топить*. В современном русском языке представлены только реликты итеративных образований порядка нескольких десятков (Мartiновский 1998, с. 81). Морфологические итеративы с узким значением неопределенной кратности выступают как маркированные, т.е. семантически и формально более сложные по отношению к немаркированным формам с более широким диапазоном значения и формально менее сложными. Итеративы такого типа характеризуются ограничениями в употреблении, они, в частности, не сочетаются с числовой квантификацией, т.е. маркерами определенной кратности (ср. пример (7–2)) и обнаруживают дистантную локализацию события по отношению к моменту речи (т.н. давнопрошедшее время в традиционной интерпретации) (ср. примеры (7–3) и (7–4))

(7–1) Борис *был* в Москве несколько раз / один раз / три раза

(7–2) Борис *бывал* в Москве несколько раз / *один раз / *три раза

(7–3) Борис *был* / **бывал* вчера / неделю тому назад в Москве

(7–4) Борис *был* / *бывал* пять лет тому назад в Москве

Морфологические итеративы все более и более вытесняются из зоны кодифицированного языка в сферы разговорно-бытовой речи и просторечия. В литературном русском языке они используются преимущественно в качестве средства архаизации языка.

ММ являются, как правило, экспонентами вполне определенных акциональных значений. В примере (8–1) приставка *про-* с пердуративным значением не обнаруживает интерференции с делимитативным значением. Пердуративное значение не может быть в этом примере также нейтрализовано. Тот же самый префикс в контексте с глагольными лексемами типа *проработать* в примере (8–2) утрачивает однако свойственное ему пердуративное значение и выражает только информацию о СВ.

(8–1) Борис *прогулял* три часа / *всего пять минут / *некоторое время

(8–2) Борис *проработал* на заводе целые двадцать лет / всего один год / некоторое время

То или иное акциональное значение в примере (8–2) всецело определяется посредством соответствующего КМ. Примеры такого рода свидетельствуют о возрастании роли немаркированных КМ и тем самым о проявлении тенденции к оптимизации аспектуальной системы русского языка.

3. 2. 2. Преферентность синтаксических маркеров по отношению к морфологическим маркерам

ММ конкурируют также и с синтаксическими маркерами (СМ) в составе сложных предикатов, ср. *заплакать* и *начать плакать*. Объединение акци-

онального значения и лексического значения в составе одной глагольной лексемы является более сложной когнитивной операцией, чем их отдельная репрезентация в составе синтаксической конструкции. По этой причине СМ являются немаркированными и тем самым преферентными по отношению к ММ. Далек не каждый русский глагол сочетается с приставкой *за-* для выражения начинательного значения, тогда как конструкция с глаголом *начать* практически не знает ограничений, ср. *начать заниматься*, но **за-заниматься*. Древнерусские морфологические каузативы типа *окаменити*, противопоставленные инхоативам типа *окаменѣти*, были вытеснены в ходе исторического развития в современном русском языке синтаксическими каузативами типа *превратить / обратить в камень*. Расширение сферы употребления СМ следует рассматривать как тенденцию к экономной организации аспектуальной системы русского языка.

4. Формальные индикаторы эвентивности в немецком языке сопоставительно с русским языком

В немецком языке как и в русском языке в оформлении событий участвуют все три типа маркеров, а именно ММ, СМ и КМ. Однако удельный вес каждого из этих типов маркеров в немецком и в русском языках существенно различен.

Естественно-квантифицированные события выражаются в немецком языке посредством КМ, ср.

(9–1) Boris *hat* dieses Bild in / innerhalb von zwei Wochen gemalt

,Борис *нарисовал* эту картину за две недели‘

В русском языке событие создания картины в примере (9–1) формально манифестируется дважды, а именно морфологически посредством перфективирующей приставки *на-* (= ММ) и лексико-синтаксически или контекстуально при помощи обстоятельства времени *за две недели* (= КМ). Основным в русском языке является ММ, который оформляет событие как таковое, в то время как КМ выступает как дополнительный факультативный спецификатор эвентивности. Иное положение дел в немецком языке. В немецком языке нет грамматикализованной категории вида, а потому отсутствует и соответствующий ММ. Единственным экспонентом эвентивности является КМ. Аналогичная ситуация наблюдается и при манифестации несобытийности, ср.

(9–2) Boris *hat* an diesem Bild zwei Wochen lang gemalt

,Борис *рисовал* эту картину две недели‘

Значение вторичного процесса в примере (9–2) выражается в немецком языке посредством обстоятельства времени *zwei Wochen lang* в сочетании с предложным падежным маркером *an diesem Bild*. В русском языке процессуальное значение манифестируется в первую очередь морфологичес-

ки отсутствием приставки, т.е. нулевым экспонентом со значением НСВ (противопоставленного ненулевому экспоненту со значением СВ в примере (9–1)). Обстоятельство времени *две недели* со значением продолжительности процесса рисования как КМ играет при этом подчиненную роль по отношению к ММ, являясь всего лишь спецификатором ММ.

Произвольно-квантифицированные события выражаются в немецком языке морфологически посредством префиксов, т.е. ММ. Префиксы в таком употреблении в немецком языке в своем подавляющем большинстве имеют словообразовательную функцию, т.е. они меняют лексическое значение глагола, ср. *arbeiten* ‘работать’ (= процесс) → *ausarbeiten, erarbeiten* ‘разработать’ (= вторичное событие), *schlafen* ‘спать’ (= состояние) → *aus-schlafen* ‘выспаться’ (= вторичное событие), *schreiben* ‘писать’ (= первичное событие) → *abschreiben* ‘списать’, *aufbschreiben* ‘записать’, *beschreiben* ‘описать’, *herausschreiben* ‘выписать’, *unterschreiben* ‘подписать’ (= вторичное событие). Немецкие приставки в очень ограниченном объеме (по сравнению с русским языком) обнаруживают акциональную семантику. Из 8 разрядов произвольно-квантифицированных событий, приведенных в разделе 2. 3., которые в русском языке выражаются посредством приставок, в немецком языке только 4 разряда или СД (а именно ингрессивы, эгрессивы, сатуративы и аттенуативы) обнаруживают префиксы, причем такие приставочные образования не являются главным средством выражения соответствующих акциональных значений. Ведущая роль в формальной манифестации акциональности принадлежит в немецком языке СМ, т.е. бивербальным или глагольно-именным конструкциям и КМ, т.е. адвербиальным группам, являющимися детерминаторами или распространителями глагольного действия. Так ингрессивное значение выражается в немецком языке в первую очередь посредством бивербальных структур типа *beginnen / anfangen zu sprechen* ‘начать говорить’. Сравнительно небольшое число глаголов образует ингрессивы посредством префиксов *auf-* (*aufblühen* ‘зацвести’), *ein-* (*einschlafen* ‘заснуть’), *ent-* (*entbrennen* ‘загореться’), *er-* (*erglänzen* ‘заблестеть’), *los-* (*losrennen* ‘побежать’). Эгрессивное значение в его двух разновидностях комплетивной и финитивной манифестируется в немецком языке главным образом при помощи СМ, а именно глагольно-именных конструкций типа *zu Ende bauen / fertig bauen* ‘строить до конца’ и двуглагольных словосочетаний типа *aufhören zu lärmern* ‘кончить / перестать шуметь’. И лишь ограниченное число глаголов обнаруживает приставки *ab-* (*abblühen* ‘отцвести’), *auf-* (*aufessen* ‘съесть’), *aus-* (*austrinken*, ‘допить’), *nieder-* (*niederbrennen* ‘догореть’), *ver-* (*verblühen* ‘отцвести’). Для выражения сатуративного значения используются в основном КМ типа *zur Genüge, lange genug, genügend lange (wiederholen)* ‘настойчиво (повторять)’ и синтаксические конструкции типа *sich satt essen* ‘наестся’, *sich müde laufen* ‘набегаться’. Приставочные

дериваты типа *jmdn. abkanzeln* ‘отчитать кого-н.’ и *sich austoben* ‘наиграться’ составляют периферию сатуративности. Атенуативное значение выражается в немецком языке посредством КМ типа *ein bisschen, ein wenig, etwas* ‘немного’. Доля префиксальных производных образований с приставками *ab-* (*abbremsen* ‘притормозить’), *an-* (*anheben* ‘приподнять’), *dazu-* (*dazuverdienen* ‘подработать’) *nach-* (*nachgießen* ‘подлить’) в выражении аттенуативности сравнительно небольшая. Продуктивных приставок (таких как префикс *за-* типа *закричать* с ингрессивным значением или префикс *от-* типа *отшуметь* с финитивным значением в русском языке) в немецком языке нет. Удельный вес морфологического кодирования в репертуаре формальных средств выражения акциональной семантики оказывается тем самым в немецком языке значительно более ограниченным по сравнению с русским языком.

Для передачи морфологически выражаемых в русском языке пердуративного, делимитативного, семельфактивного и дистрибутивного значений немецкий язык использует исключительно неморфологические маркеры. Пердуративная и делимитативная семантика манифестируется в немецком языке посредством КМ типа *sich längere Zeit / ausgiebig unterhalten* ‘беседовать длительное время / вдоволь’, *sich ein Weilchen / mal kurz unterhalten* ‘беседовать недолго / короткое время’. Семельфактивное значение выражается в немецком языке при помощи СМ, ср. *einen Stich versetzen* ‘уколоть’, букв. ‘сделать укол’, *mit den Hörnern zustoßen* ‘боднуть’ букв. ‘нанести удар рогами’. Дистрибутивное значение, которое в русском языке передается посредством приставок *пере-* (*переловить всех мышей*) и *по-* (*повыносить мебель*), выражается в немецком языке при помощи КМ *nacheinander* ‘один за другим’, ‘друг за другом’ (*alle nacheinander küssen* ‘целовать всех друг за другом’), *miteinander* ‘друг с другом’ (*alle Anwesenden miteinander bekannt machen* ‘познакомить всех присутствующих друг с другом’) *nach und nach* ‘постепенно’ (*das ganze Geschirr nach und nach zerschlagen* ‘разбить постепенно всю посуду’), ср.

(10–1) Alle Brüder *haben nacheinander geheiratet*

(10–2) Все братья *поженились один за другим*

(10–3) Все братья *переженились*

(10–4) Все братья *переженились один за другим*

Немецкой конструкции с КМ *nacheinander* в примере (9–1) соответствует в русском языке предикативное словосочетание с КМ *один за другим* в примере (9–2). Для выражения дистрибутивного значения в русском языке используется однако чаще морфологический дистрибутив с приставкой *пере-* (*пережениться*) (см. пример (9–3)). В примере (9–4) КМ *один за другим* является избыточным, поскольку он дублирует дистрибутивное значение, выраженное морфологически (посредством приставки *пере-*). Структуры с КМ типа *nacheinander heiraten* в немецком языке в примере (9–1) и типа *пожениться один за другим* в русском языке в примере (9–2) являются

оптимальными, а потому и преферентными. Не оптимальным считаются структуры с непреферентными ММ типа *пережениться* в примере (9–3) и комплексные структуры с ММ и с избыточными КМ типа *переженились один за другим* в примере (9–4).

Характерной чертой русского языка является двойная маркировка того или иного аспектуального значения посредством ММ и КМ, ср. конструкции типа *поест немного* и *наестся вдоволь*, в которых аттенуативное и сатуративное значения выражаются дважды, т.е. посредством соответственно приставок *по-* и *на-* и КМ *немного* и *вдоволь*. Немецкий язык использует в таких случаях одинарную маркировку аспектуальности посредством оптимальных КМ со значением степени интенсивности действия: *etwas essen* букв. ‘есть немного’, *sich satt essen*, букв. ‘есть досыта’. Доля немаркированных, т.е. оптимальных или преферентных маркеров, при манифестации аспектуальности в немецком языке поэтому относительно высокая в сопоставлении с русским языком.

5. Заключение

В настоящей работе рассматривается вопрос концептуальной категоризации глаголов. Исходной базой исследования являются события (или эвентивы), которые вместе с процессами (или процессивами) и состояниями (или стативами) составляют аспектуальные классы (АК), т.е. наиболее общие типы глагольных ситуаций, называемые мною лексическими видами (ЛВ). Вниманию читателя предлагается модель типологически релевантной концептуальной субкатегоризации событий. Класс событий обнаруживает два больших подкласса, а именно подкласс естественно-квантифицированных событий (с внутренним пределом, имплицитной семантикой основы типа *созреть (об арбузе)*) и подкласс произвольно-квантифицированных событий (с внешним пределом, задающим некую порцию или какой-то квант глагольного действия типа *прогулять (весь вечер)*). Первый из них подразделяется на разряд глаголов, обозначающих длительные действия или осуществления типа *решить-решать (задачу)*, и разряд глаголов, обозначающих недлительные, т.е. мгновенные действия или происшествия типа *найти-находить (ключ)*. Второй из них включает группу глаголов, обозначающих действия с временной квантификацией (фазовые события типа *заговорить* и нефазовые события типа *проговорить весь вечер*) и группу глаголов, обозначающих действия с невременной квантификацией (исчисляемые события типа *укусить (соседа)* или *перекусать (всех соседей)* и неисчисляемые события типа *наестся (вдоволь каши)* или *поест (немного каши)*). В работе анализируется формальная манифестация событий и их разрядов в русском и в немецком языках. Особое внимание уделяется соотношению или удельному весу немаркированных, т.е. оптимальных или преферентных и маркированных, т.е. неоптимальных или непреферентных

аспектуальных маркеров (АМ) в рассматриваемых языках. В русском языке с его морфологически кодируемой обязательной категорией вида и богатым набором морфологически символизируемых способов действия (СД) доля маркированных или неpreferентных ММ в общем репертуаре средств выражения аспектуальности довольно значительная. Ядро аспектуальности в нем составляют ММ часто в сочетании с КМ. В русском языке наблюдается тенденция к оптимальному выражению аспектуальной информации, которая проявляется в устранении избыточных маркированных, т.е. неоптимальных АМ (см. раздел 3. 1. 3.) а также в замене маркированных, т.е. неоптимальных ММ немаркированными, т.е. оптимальными КМ и СМ (см. разделы 3. 2. 1. и 3. 2. 2.). Аспектуальная информация выражается в немецком языке преимущественно посредством немаркированных, т.е. оптимальных или преферентных АМ, а именно КМ и СМ. Маркированные ММ с акциональным значением представлены в немецком языке в ограниченном по сравнению с русским языком объеме и составляют в нем периферию аспектуальности. Разное распределение немаркированных, т.е. оптимальных и маркированных, т.е. неоптимальных маркеров аспектуальности в русском и в немецком языках отражает типологически релевантные особенности грамматических систем сопоставляемых языков.

Литература

- А. В. Бондарко: *Лимитативность как функционально-семантическое поле*. В кн.: *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Ленинград 1987, с. 46–63.
- В. В. Виноградов: *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва 1972²
- А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев: *Введение в русскую аспектологию*. Москва 2000.
- Е. С. Кубрякова: *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики*. «Вопросы когнитивной лингвистики» 2004, № 1, с. 6–17.
- Ю. А. Мартиновский: *Глагольная приставка и вид в русском языке*. «Revue des Études Slaves», 1998, 1, с. 79–84.
- В. Б. Силина: *История категории глагольного вида*. В кн.: *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*. Москва 1982, с. 158–279.
- W. U. Dressler: *Naturalness and Morphological Change*. В кн.: *The Handbook of Historical Linguistics*. Ред. В. D. Joseph, R. D. Janda. Malden: Blackwell Publishing 2003, с. 461–471.
- W. D. Klimonow: *Die Umgestaltung des Systems aspektueller Oppositionen im Russischen aus der Sicht der natürlichen grammatischen Entwicklung*. «Zeitschrift für Slawistik» 2001, № 4, с. 390–412.
- Th. Vennemann: *Preference Laws for Syllable Structure and the Explanation of Sound Change*. Berlin–New York–Amsterdam 1988.
- W. U. Wurzel *Grammatisch initiiertes Wandel*. Bochum 1994 (*Bochum-Essener Beiträge zur Sprachwandelforschung*, Bd. XXIII).

Władimir D. Klimonow

ZDARZENIA, ICH KONCEPTUALNA KATEGORYZACJA A MANIFESTACJA
W JĘZYKU ROSYJSKIM W PORÓWNANIU Z JĘZYKIEM NIEMIECKIM

Streszczenie

Zdarzenia, czyli ewentywy, i ich podklasy są reprezentowane w językach rosyjskim i niemieckim na poziomie kategoryzacji konceptualnej jako wiązki, czyli zbiory cech semantycznych i na poziomie manifestacji wyjściowych struktur konceptualnych przy pomocy indyktorów formalno-językowych czyli markerów aspektualności (morfologicznych, składniowych i kontekstualnych). Różna dystrybucja nienacechowanych, to znaczy optymalnych, czyli preferentnych, a nacechowanych, to znaczy nieoptymalnych, czyli niepreferentnych eksponentów aspektualności w tych dwóch językach odzwierciadla typologicznie relewantne właściwości systemów gramatycznych porównywanych języków. W języku rosyjskim z jego bogatym repertuarem środków wyrażania informacji aspektualnej można zaobserwować konkurencję różnych typów markerów aspektualnych. Wypieranie nacechowanych indyktorów aspektualności przez indykatory nienacechowane świadczy o oddziaływaniu tendencji do oszczędności, to znaczy do optymalnego układu systemu aspektualnego czasownika rosyjskiego.

Vladimir D. Klimonov

EVENTS AND THEIR CONCEPTUAL CATEGORIZATION AND MANIFESTATION
IN THE RUSSIAN LANGUAGE COMPARED TO GERMAN

Summary

In Russian and in German events (eventiva) and their subclasses are represented on two levels: on the level of conceptual categorization (as a set of semantic features) and on the level of the manifestation of conceptual base structures (means of expression are here morphological, syntactic and contextual markers of aspectuality). The different distribution of the natural (i.e. of the optimal or preferential) and the non-natural (i. e. of the non-optimal or non-preferential) exponents of aspectuality reflects the typologically relevant peculiarities of the grammatical systems of the two languages compared. In the Russian language with its rich repertoire of means of expressing aspect information a competition between the different types of aspectual markers can be noticed. The replacement of non-natural markers of aspectuality by natural markers proves the existence of a tendency to language economy, i. e. to the optimal organization of the aspect system of Russian verbs.